

Ева Стелла

ЯКОРЬ
для
ЗВЕРЯ

Ева Стелла

Якорь для зверя

<https://litres.ru/74214542>

Аннотация

Она пришла из другого мира, чтобы изменить конец его истории. Но вместо страниц книги её ждала живая боль, ярость оборотня и выбор, который изменит всё.

Лира знала лорда Ренна лишь как трагичного персонажа из любимого романа : проклятого оборотня, обречённого на одиночество. Умирая от болезни, её последней мыслью была жалость к нему. Она просыпается в теле его невесты-заложницы, привезённой для кровавого ритуала. Но вместо того, чтобы молить о пощаде, она смотрит в золотые глаза чудовища и шепчет: «Я читала о твоей боли».

Её слова, полные невероятного знания и сочувствия, пробуждают в Ренне не ярость, а шок, а затем - всепоглощающий интерес. Кто эта девушка, которая видит в нём не монстра, а раненую душу? Ритуал отложен. Так начинается опасная игра, где её единственное оружие - знание сюжета, а его - дикая сила и многовековая обида.

Но книга закончилась. Теперь им предстоит написать свою историю. Пройти через предательство и заговоры, через древнюю магию слияния человека и зверя, через войны с чуждыми племенами. От выживания - к созиданию. От союза по

необходимости - к любви, которая не боится ни когтей, ни прошлого, ни будущего.

Это история о том, как спасительница по ошибке и оборотень, не веривший в спасение, нашли друг в друге якорь и стали архитекторами нового мира. Где дом - это не стены крепости, а общее дело, выстроенное на доверии, и где самый смелый выбор - выбрать идти вместе.

Содержание

Книга 1: Спасительница по ошибке Глава 1:	5
Пробуждение в теле жертвы	
Глава 2: Вещи, которые нельзя знать	14
Глава 3: Язык снов и теней	25
Глава 4: Синяя комната и первые тени	35
Глава 5: Танец на краю пропасти	44
Глава 6: Тень полной луны	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Книга 1: Спасительница

по ошибке Глава 1:

Пробуждение в теле жертвы

Книга пахла пылью, временем и слезами. Не ее слезами, а теми, что будто впитались в пожелтевшие страницы вместе с историей лорда Ренна. Лира переворачивала последнюю страницу, и пальцы дрожали не от слабости, а от щемящей, несправедливой пустоты в груди.

Болезнь пожирала ее медленно, почти вежливо, давая время проститься. Но прощаться было не с кем. Только с вымышленными мирами. И последним из них стал мир Бесплодных Земель, где правил оборотень, проклятый на вечное одиночество.

Она закрыла книгу, прижала ее к сердцу. Легкие отказывались вбирать воздух полной грудью. Каждый вдох был коротким, хриплым.

"Бедный Ренн, - прошептала она в тишину своей комнаты. - Его предали все. А просто ему нужна была одна. Всего одна, которая не испугалась бы его."

Темнота наступала мягко, как бархатный полог. Последней мыслью Лиры была не боль, не страх. Это была глубокая, всепоглощающая жалость к тому, кого никогда не существовало.

Холод был первым, что вернулось. Пронизывающий холод камня под спиной. Потом звук: мерное, тяжелое капанье воды где-то в темноте. И запах: сырость, дым и металл. Непривычный, резкий.

Лира открыла глаза. Над ней простирались не родной потолок с трещиной в форме сердца, а своды из грубого тесаного камня, черные от копоти. Факелы бросали на стены пляшущие, уродливые тени. Она попыталась пошевелиться, и резкая боль в запястьях заставила ее вздохнуть. Ее руки были скручены за спиной грубой веревкой.

Паника, острая и слепая, должна была нахлынуть. Но вместо нее в голове возникла странная, кристальная ясность. Она видела этот зал. В описании. Высокий трон из черного дуба на каменном возвышении. Баннеры с выцветшим гербом, скрещенные когти на багровом поле. Она читала об этом.

"Не может быть", - прошептала она, и голос, чужой, более высокий и музыкальный, поразил ее.

Шорох кольчуг. Широким кругом вокруг нее стояли воины в темных доспехах, их лица скрывали шлемы с узкими прорезями для глаз. Они не двигались, словно изваяния. И все их внимание, весь вес этой леденящей тишины, было направлено на фигуру на троне.

Он сидел, откинувшись назад, одна рука лежала на резном подлокотнике, обхватывая его так, будто он хотел раздавить дерево в щепки. Высокий, мощный, как скала, застывшая в

гневе. На нем был простой черный камзол, но плечи покрывал меховой плащ, шкура какого -то свирепого зверя. Его волосы, темные как смоль, были собраны у затылка, открывая жесткие черты лица. И глаза... глаза светились в полумраке приглушенным желтым светом, как у хищника, поймавшего добычу.

Лорд Ренн. Не актер в костюме, не картинка в воображении. Плоть и кровь. Ярость и боль, воплощенные в человеке.

Ее сердце не колотилось от ужаса. Оно будто остановилось, а потом ударило один раз, гулко, посылая по жилам волну невероятного, оглушающего тепла. Это был он.

Его желтый взгляд скользнул по ней, по ее связанному телу, по простому, испачканному в дорожной пыли платью невесты заложницы, Лианны из дома Фэррен. Взгляд, полный ледяного презрения.

- Приведите ее ближе, - произнес он. Его голос. Низкий, хриплый, изрезанный шрамами молчания и криков. Он звучал именно так, как она слышала его внутри все эти месяцы.

Два воина грубо взяли ее под руки, подняли на ноги. Ее подтащили к самому подножию трона и бросили на колени. Камень больно впился в кожу.

Ренн медленно наклонился вперед. Плащ скрипел. Его тень накрыла ее.

- Лианна Фэррен, - произнес он, и каждое слово было похоже на приговор. - Ваш род прислал вас в уплату долга. Кровь за кровь. Жизнь за жизнь. Ваше сердце, вырезанное

под полной луной, станет ключом к ослаблению оков, которые ваши предки наложили на меня. У вас есть последние слова?

Он ждал мольбы. Истерики. Проклятий. Он видел их все в глазах тех, кого приносили в жертву. Это было скучно, как заученная пьеса.

Лира подняла голову. Камень врезался в колени, веревка впилась в запястья. Она смотрела на него. Не на палача, не на чудовище. Она смотрела на мальчика, которого предала мать. На юношу, которого отвергло племя оборотней за человеческую слабость. На мужчину, которого невеста, испугавшись его истинной сути, предала, подмешав серебро в вино и отдав его врагам.

Ее глаза наполнились слезами. Не от страха. От переполняющего сердце сочувствия, от боли, которую она годами носила в себе за него. За вымышленного персонажа, который теперь сидел в трех шагах от нее, настоящий.

Она увидела глубокую складку гнева между его бровями, жесткую линию сжатых губ. Она видела все это на иллюстрациях, в своих снах.

- Ты..., - ее голос сорвался, звучал хрипло от непривычки. Она сглотнула, заставила себя говорить четче, впиваясь взглядом в его золотые глаза. - Это правда ты, Ренн. Я читала. Я читала о твоей боли. О том, как она тебя сломала. Это было так... так несправедливо.

Тишина. Она была живой, плотной, звенящей субстанции-

ей, которая заполнила собой каждый уголок огромного зала. Даже факелы, казалось, перестали потрескивать. Воины, эти бесстрастные статуи, застыли еще недвижимее. Никто не дышал.

Лицо Ренна не изменилось. Оно окаменело. Но его глаза, эти светящиеся хищные глаза, расширились. На долю секунды в них промелькнуло нечто абсолютно чистое. Не ярость. Не ненависть. Шок. Полнейший, оглушающий шок, как от удара обухом по голове.

Он откинулся назад на троне, медленно, будто каждое движение давалось с огромным трудом. Его пальцы, все еще сжимавшие подлокотник, разжались, потом снова вцепились в дерево. Он смотрел на нее так, будто видел призрак. Не призрак умершей невесты, а призрак себя самого. Своего прошлого, о котором не знал никто.

- Что..., - он начал и замолчал. Его голос, всегда такой уверенный и грозный, дал трещину. Он поправился, и следующая фраза прозвучала как рычание, но в нем уже не было прежней уверенности. - Что ты несешь, женщина? Какие сказки тебе рассказывали в вашем гнилом замке, чтобы укрепить дух перед смертью?

- Не сказки, - прошептала Лира. Слезы потекли по ее щекам, но она не отводила взгляда. - Правду. Как твоя мать испугалась твоего первого превращения. Как стая отвергла тебя за то, что ты плакал над мертвым птенцом. Как Алисия..., - она произнесла имя той, первой невесты, и увидела, как

дернулась мышца на его скуле, - как она испугалась твоего зверя и предала тебя. Я знаю. Я все читала.

Ренн встал.

Это было стремительное, плавное движение огромного хищника. Он сошел с возвышения, и его тень теперь полностью поглотила ее. Он пах дымом, холодным ветром, дикой шерстью и чем-то еще, металлическим, кровью. Он подошел так близко, что она почувствовала исходящее от него тепло. Склонился, взяв ее за подбородок грубыми пальцами. Его прикосновение обожгло, но не болью. Оно было живым. Настоящим. Он заставил ее смотреть вверх, прямо в его глаза, которые теперь пылали так близко.

- Кто ты?, - спросил он тихо, и в этом шепоте было больше опасности, чем во всем его предыдущем гневe. - Ты не Лианна Фэррен. У той куклы в голове были только наряды и придворные интриги. Кто. Ты.

Лира выдержала его взгляд. Страх, наконец, добрался до нее, острый и холодный. Но он был смешан с чем-то другим. С обожанием, которое она таила годами. С невероятным чудом того, что он здесь.

- Я та, кто оплакивал тебя, когда еще не знал, что ты настоящий, - выдохнула она. - Я та, кто жалел, что тебя никто не полюбил.

Его пальцы дрогнули на ее подбородке. Он выпрямился, отступил на шаг. Смотрел на нее, словно видел впервые. Видел не заложницу, не жертву, а загадку. Абсолютно новую,

незнакомую, ворвавшуюся в его выстроенный мир ненависти и мести.

Ярость в его глазах погасла, уступив место чему-то более сложному, более глубокому. Всепоглощающему интересу. Он повернулся к своим воинам, его голос снова обрел твердость, но теперь в нем звучала иная команда.

- Отведите ее в северную башню. Комнату под самой крышей. Поставьте двойную охрану. Никто не входит, никто не выходит. Кормить. Поить. Живой и невредимой. Понятно?

- Повелитель?, - один из воинов осмелился спросить, голос полный недоумения.

- Живой и невредимой!, - рявкнул Ренн, и эхо покатилося по сводам. - Ритуал откладывается.

Он бросил на Лиру последний взгляд, долгий, испытующий, полный невысказанных вопросов. Потом резко развернулся, и его плащ взметнулся, как крыло гигантской птицы.

Ее подняли и повели из зала, но Лира успела увидеть, как он снова опустился на трон, склонив голову на сжатые кулаки. Одинокий, как всегда. Но теперь в его одиночество ворвалось нечто непонятное.

Дверь в башню захлопнулась с тяжелым стуком. Комната была крошечной, с узким окном, зарешеченным железным прутьями. Была лишь кровать с жестким матрасом, стул и очаг, в котором тлело несколько углей.

Охрана замерла снаружи.

Лира опустилась на край кровати. Ее руки наконец развя-

зали. Она смотрела на свои незнакомые, изящные пальцы, на тонкие запястья с красными рубцами от веревки. Потом подошла к окну. За решеткой простирались Бесплодные Земли: серые скалы, низкое свинцовое небо, далекие, угрюмые леса. Мир Ренна. Настоящий мир.

Она прижала лоб к холодному камню. У нее не было плана. Не было магии или силы. Только знание. И чувство. Глубокое, безнадежное чувство, зародившееся в другой жизни.

"Я здесь, Ренн, - прошептала она в надвигающиеся сумерки. - Но что я теперь могу сделать?"

Внизу, в своём кабинете, заваленном картами, древними свитками и тяжёлыми фолиантами, лорд оборотней стоял у огромного камина. Огонь бросал на стены причудливые тени, а в воздухе витал запах старого пергамента и древесного дыма. Но он не замечал ни уюта, ни привычного полумрака - его взгляд был устремлён в самое сердце пламени, а мысли блуждали далеко за пределами этих стен.

Перед внутренним взором лорда вновь и вновь возникал образ той, кто называла себя не Лианной. Он видел её глаза - глубокие, как ночное небо, и полные слёз, но в них не было ни тени страха. Только искреннее сочувствие, которое так редко встречалось ему за долгие века одиночества и власти. В этом взгляде не было ни упрёка, ни жалости - лишь понимание, способное растопить лёд даже в самой чёрствой душе.

Он сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна

противоречий. Сочувствие - это слабость, учили его с детства. Но сейчас оно казалось ему единственной силой, способной изменить судьбу целого народа. Лорд оборотней отвернулся от огня и медленно подошёл к окну, за которым простирался ночной лес. Ветер шептал о переменах, а в сердце впервые за много лет зарождалась надежда - хрупкая, как первый снег, но неотвратимая, как приход весны. Его зверь, всегда дремавший у поверхности, был встревожен. Не яростью. Любопытством.

"Кто ты?, - снова спросил он тишину. - И как ты можешь знать то, чего не знает никто?"

Интерес пожирал его изнутри. И это было опаснее любой ярости. Потому что ярость проста. А интерес мог привести к чему угодно. Даже к надежде. А надежда, как он знал, была самой коварной ловушкой из всех.

Глава 2: Вещи, которые нельзя знать

Три дня.
 Три дня одиночества, тишины и пыльного света из узкого окна. Ее кормили безмолвные стражи в масках: раз в день миска похлебки, кусок черного хлеба, кружка воды. Пища была грубой, безвкусной, но горячей. Это было все, что нарушало монотонный ход времени.

Лира проводила часы, пытаясь собрать в голове обрывки знаний. Книга была романом, вымыслом. Но здесь, в этом теле, в этой комнате, все было пугающе точным. Она вспоминала детали, которые автор вкладывал в описания: трещина в форме молнии на внешней стене башни, особый рисунок на каменном полу в большом зале. Это означало, что либо ее сознание каким -то образом подстроилось под мир книги, либо... книга была не совсем вымыслом. Была хроникой, предсказанием, чем -то еще.

Она также изучала свое новое тело. Лианна Фэррен была хрупкой, почти невесомой, с бледной кожей и длинными, тонкими пальцами. Не похоже на ее собственное, привычное тело. Но сердцебиение было знакомым, ровным. И память, странным образом, тоже начала подавать признаки жизни. Не ее воспоминания, а отголоски, как чужие сны. Вспышка: суровое лицо мужчины, ее "отца", холодный поцелуй в лоб

перед тем, как посадить в карету. Чувство стыда и обреченности. Эти обрывки пугали ее больше, чем голод.

На четвертый день дверь открылась не для того, чтобы принести еду.
 В проеме стоял не безмолвный страж, а другой человек. Высокий, худощавый, в темных, но простых одеждах, не воинских. Его лицо было бледным и умным, с пронзительными серыми глазами, которые сразу принялись изучать ее с холодным интересом. В руках он держал деревянный ящичек.

- Леди Фэррен, - произнес он. Голос был ровным, без эмоций, как у врача. - Лорд Ренн приказал удостовериться в вашем... физическом благополучии. Я, Элрик, его целитель.

Лира отодвинулась на кровати, инстинктивно прижавшись к стене.

- Я в порядке.

- Это мне судить, - он вошел, оставив дверь приоткрытой. За его спиной виднелись двое стражей. Элрик поставил ящик на стул. - Подойдите к свету, пожалуйста.

Она медленно подчинилась, встав у окна. Целитель осмотрел ее запястья, где еще были видны следы от веревок, прикоснулся холодными пальцами к ее лбу, велел открыть рот. Его прикосновения были быстрыми, профессиональными и совершенно безличными.

- Легкое истощение. Синяки заживают. Никаких признаков лихорадки или порчи, - пробормотал он себе под нос, делая пометки на восковой табличке из ящика. Потом его

глаза снова поднялись на нее. - Лорд также просил меня задать вам несколько вопросов. В интересах диагностики, разумеется.

Лира почувствовала, как сжимается желудок.

- Каких вопросов?

- Вы утверждали, что знаете о событиях из прошлого лорда Ренна. Конкретных событиях. Можете ли вы назвать дату, когда лорд был изгнан из стаи Острохолмских оборотней?

Она знала. Автор уделил этому целую главу.

- Не дату. Это было в канун Зимнего Равноденствия. Ему было пятнадцать зим. Шел сильный снег, и вожак стаи, Гаррок, сказал, что в жилах Ренна течет слишком много человеческой слабости. Что он плакал над тушкой оленя, который не смог убежать.

Элрик не моргнул, но его пальцы замерли над табличкой. Он молчал несколько секунд.

- Имя первой невесты лорда.

- Алисия из дома Вердант. Он встретил ее на охоте в Серебристом лесу. Она подарила ему белый плащ, который он сжег после... после того, как она предала его. - Лира говорила тихо, глядя в окно. Эти истории были для нее реальными, болезненными.

Целитель медленно закрыл свой ящичек. Его бесстрастное выражение наконец дало трещину. В глазах читалось глубокое, леденящее недоумение.

- Эти знания... они известны лишь горстке людей. И ни

один из них не стал бы делиться ими с девушкой из дома Фэррен. Каким образом они стали вам известны?

Лира повернулась к нему: "Я читала. В книге."

- Какой книге? Где она находится?

- Ее нет здесь. Она... в другом месте.

- Вы говорите загадками, - его голос стал жестче. - Лорд Ренн не любит загадки, которые пахнут изменой. Знаете ли вы, что дом Фэррен участвовал в осаде Черного Утеса двадцать лет назад? Что вашего дядю лорд Ренн лично сбросил со скал?

Она кивнула. Это тоже было в книге. Кровавая история мести, которая привела к тому, что ее, Лианну, отправили сюда в качестве последней платы.

- Я знаю. И знаю, что Ренн сожалел об этом. Не об убийстве, а о том, что это не принесло ему покоя. Он написал об этом в своем дневнике, который потом сжег.

Элрик резко встал, отодвинув стул с таким скрипом, что Лира вздрогнула. Он смотрел на нее теперь не как на пациентку, а как на нечто необъяснимое, возможно, опасное.

- Этого не могло быть в книге, - отчеканил он. - Этого не знает никто, кроме меня. Я нашел пепел того дневника в камине и угадал его содержание по обрывкам. Кто вы?

Этот вопрос висел в воздухе. Лира поняла, что зашла слишком далеко. Знание было ее единственным оружием и ее самой большой уязвимостью.

- Я та, кого он ждал, даже не зная об этом, - сказала она,

и это звучало безумно даже в ее собственных ушах. - Я не шпион. Я не враг. Я просто... знаю его.

Целитель взял свой ящик. На пороге он обернулся.

- Лорд Ренн посетит вас сегодня вечером, - произнес он без интонации. - Будьте готовы. Он не будет задавать вежливых вопросов.

Дверь закрылась. Лира снова осталась одна, но теперь одиночество было наполнено гулким предчувствием. Она подошла к тазу с водой, оставленному стражей, и попыталась привести себя в порядок. Отряхнула платье, расплела и снова заплела длинные, темные волосы Лианны. Руки дрожали.

Она ждала.

Солнце зашло за скалы, окрасив небо в розовые и лиловые тона. В камине потрескивали новые дрова, принесенные стражей. И тогда, без стука, дверь открылась.

Он вошел один.

Ренн казался еще больше в тесном пространстве башни. Он был в простой темной рубашке и штанах, без плаща и доспехов. Но от этого он не выглядел менее опасным. Скорее наоборот. Это была грубая, неприкрытая церемониями сила. Его золотые глаза сразу нашли ее в полумраке.

Он закрыл дверь за спиной. Звук щеколды прозвучал как выстрел.

- Элрик рассказал мне о вашей... осведомленности, - начал Ренн. Он не двигался с места, прислонившись к двери, скрестив руки на груди. - Вы подтвердили то, что не могли

знать. Объясните.

- Я уже пыталась, - тихо сказала Лира, оставаясь сидеть на краю кровати. - Вы не поверите.

- Попробуйте.

Она глубоко вдохнула.

- В мире, откуда я родом, ваша жизнь... это история. Роман. Книга, которую я читала, лежа в постели, будучи больной. Я знаю вас, Ренн, как знают вымышленного персонажа. Знаю ваши мысли, которые автор вложил вам в голову. Знаю ваши боли, потому что я их чувствовала вместе с вами, читая.

Он рассмеялся. Коротко, резко, без тени веселья.

- Удобная сказка. Значит, я не настоящий? Просто сон больной девицы?

- Нет! - Она вскочила. - Вы настоящий. Этот мир настоящий. Кто-то знал о нем достаточно, чтобы написать книгу. Или... или книга стала мостом. Я не знаю как. Я просто умерла там, а проснулась здесь.

- Умерли, - повторил он с ледяным сарказмом. - И какая же болезнь свела вас в могилу, принцесса?

- Рак легких, - выпалила Лира, не думая. И тут же пожалела. Какое ему дело до болезней другого мира?

Ренн помолчал. Он оттолкнулся от двери и сделал несколько шагов в ее сторону. Ограниченное пространство заставляло его казаться еще ближе, еще больше.

- Опишите мой сон на прошлой неделе, - потребовал он

внезапно.

Лира замерла. Это было не в книге. Книга не описывала сны.

- Я... не знаю. В книге не было...

- Опишите шрам у меня на спине, о котором никто, кроме меня, не знает.

Она сжала руки в кулаки.

- Я не могу. Книга не описывала каждого шрама. Она описывала душу!

- Душу, - он фыркнул. - Удобно. Значит, вы знаете только то, что удобно для вашей легенды. Элрик говорит, вы упомянули сожженный дневник. Откуда вы знаете?

- Это было в приложении! В авторских заметках к расширенному изданию! Автор писал, что для подготовки изучил все возможные источники, даже апокрифы, и упомянул легенду о дневнике!

Она говорила быстро, отчаянно, чувствуя, как почва уходит из под ног.
Ренн остановился в двух шагах от нее. Он смотрел на нее так пристально, будто пытался разглядеть ложь на клеточном уровне.

- Вы говорите о вещах, которые не можете знать. Но отказываетесь дать правдоподобное объяснение. В моем мире есть два вида таких людей: пророки и шпионы. Пророки давно вымерли. Остаются шпионы.

- Я не шпион!

- Тогда докажите, - его голос стал тише, но от этого не

менее опасным. - Скажите мне что - то, что знаю только я. Не из прошлого. Из настоящего. То, что я никогда и никому не говорил. То, о чем даже Элрик не догадывается.

Лира почувствовала, как по спине пробежал ледяной пот. Ее ум лихорадочно перебирал страницы книги, диалоги, внутренние монологи героя. Книга заканчивалась на его одиночестве, в ожидании ритуала с невестой заложницей. Но что он думал сейчас, в этот момент? Автор не писал этого.
И тогда ее осенило. Не знание из книги. Знание из сердца. Из того самого сочувствия, которое привело ее сюда.

Она подняла на него глаза. Голос ее дрожал, но слова были четкими.

- Ты боишься.

Ренн замер.

- Ты не боишься боли, или смерти, или даже проклятия. Ты боишься, что я окажусь правдой. Боишься, что есть кто-то, кто видит тебя насквозь. И что если это так, то... тогда ты больше не сможешь прятаться за своей яростью. Она согревает тебя, как этот жалкий огонь в камине. А если признать, что кто-то тебя понимает, огонь придется потушить. И останешься один на один с холодом, который намного, намного страшнее.

Она видела, как его лицо исказилось. Не гневом. Чем -то худшим. Голой, незащищенной яростью от того, что его видят. Его когти вышли наружу, черные и острые, впиваясь в его собственные ладони. Золото в его глазах вспыхнуло яр-

ким, диким светом.

- Молчи, - прошипел он.

Но Лира не могла остановиться. Это был её шанс. Единственный.

- Ты боишься надеяться. Потому что надежда обжигает сильнее, чем ненависть. И ты хочешь, чтобы я замолчала, чтобы я оказалась шпионкой, чтобы ты мог с чистой совестью вырвать мне сердце и забыть. Потому что это проще.

Он двинулся к ней. Одно большое, стремительное движение. Его руки схватили ее за плечи, прижали к стене. Его дыхание было горячим на ее лице, пахло бурей и диким зверем. Его глаза пылали так близко, что она видела в них свое отражение, маленькое и испуганное.

- Ты играешь с огнем, девочка, - его голос был хриплым рыком, в нем звучал отзвук зверя. - Ты думаешь, словами можно разоружить волка?

Лира задыхалась от его хватки - пальцы сжимали её плечи так сильно, что казалось, вот-вот хрустнут кости. Воздух вокруг стал густым и тяжёлым, а сердце билось где-то в горле, заглушая все звуки. Его близость обжигала, лишала воли, и страх накрывал её ледяной волной, парализуя каждую мышцу.

Но под этим ужасом, глубже, чем инстинкт самосохранения, таилось что-то ещё. Жалость. Острая, почти физическая, она пронзала сердце при взгляде на его искажённое болью лицо. Лира видела не только угрозу - она видела слом-

ленного человека, загнанного в угол собственной судьбой.

И та самая, безумная, неистребимая привязанность поднималась из самых глубин души, противясь логике и здравому смыслу. Сколько бы раз она ни пыталась вырвать его из сердца, эта нить не рвалась. Она тянулась к нему вопреки всему: вопреки опасности, вопреки обидам, вопреки самой себе. В этот миг Лира поняла - даже если ей суждено погибнуть в его руках, эта привязанность останется с ней навсегда.

- Я не пытаюсь разоружить, - прошептала она, глядя ему прямо в глаза. - Я пытаюсь достучаться.

Он смотрел на нее. Его пальцы впивались ей в плечи, обещая синяки. Его зверь был на поверхности, она чувствовала его дикую, хаотичную энергию. Он мог разорвать ее на месте. И часть его, самая темная, жаждала этого.

Но та часть, которая была человеком, та, что написала и сожгла дневник, колебалась.

Он отшатнулся, отпустив ее так резко, что она пошатнулась.

- Завтра, - сказал он, уже повернувшись к двери, не глядя на нее. - Мы продолжим этот разговор. И если твои ответы снова будут похожи на детский лепет, ритуал состоится с наступлением полнолуния. У тебя есть одна ночь, чтобы придумать лучшее объяснение. Или смириться.

Он вышел. Дверь захлопнулась.

Лира сползла по стене на пол, обхватив трясущимися руками колени. Ее плечи горели. В комнате пахло им: грозой,

яростью и мукой.

Она достучалась. Но достучалась до двери, за которой бушевал ураган. И теперь ей предстояло решить, войти в него или быть сметенной.

Глава 3: Язык снов и теней

Ночь после его ухода была самой длинной в ее жизни, даже длиннее той, что предшествовала смерти. Лира не спала. Она сидела на холодном каменном полу, прислонившись к стене, и смотрела, как угли в камине медленно превращаются в пепел. Тело ныло, ум лихорадочно метался.

Он требовал доказательств. Не исторических фактов, а чего то личного, сокровенного, известного только ему. Книга не давала таких деталей. Это была внешняя оправа его истории, но не живая, дышащая сердцевина.

“Думай, - приказывала она себе, кусая губу до крови. - Ты знаешь его лучше, чем кто либо здесь. Ты прожила его жизнь вместе с ним, страница за страницей”.

Она закрыла глаза, пытаясь отбросить страх и сосредоточиться на образе Ренна из книги. Не на лорде с трона, а на том мальчике, который плакал над оленем. На том юноше, который впервые влюбился. На мужчине, который часами выписывал слова в дневнике, прежде чем предать его огню.

Каким он был, когда оставался один? Что он делал, когда не было войны, мести или необходимости быть чудовищем? И тогда ее осенило. Сон. Он спросил о сне.

Она не знала его снов. Но знала его кошмары. Автор посвятил им целый абзац. Не описание, а суть.

“Он никогда не видел лиц в своих кошмарах, - вспомнила

Ли́ра, шепча слова про себя. - Только ощущения. Чувство падения в бездну, где нет звука. Запах горелой шерсти и пыли. И самое страшное: абсолютная, гнетущая тишина, из которой не мог вырваться даже его собственный вой”.

Это было не знание факта, а знание ощущения. Возможно, это сработает. А возможно, он разорвет ее за попытку.

Когда серые полосы рассвета проникли в окно, Ли́ра была готова. Готова проиграть. Но не сдаться.

Дверь открылась раньше, чем она ожидала. Не Ренн. Две служанки, молчаливые и пугливые, с тазом теплой воды, чистой, простой одеждой (темное платье из грубой шерсти) и скромным завтраком: овсяная каша с медом. Они не смотрели ей в глаза, быстро выполнили свою работу и удалились.

Это был знак. Ее готовили к чему то. К допросу? К ритуалу? К аудиенции?

Час спустя пришли двое стражей.

- Лорд ждет, - только и сказал один из них.

Ее повели не в тронный зал, а вниз по узкой винтовой лестнице, глубоко в недра крепости. Воздух стал прохладнее, влажнее, пахнул сырой землей и древним камнем. Они остановились перед массивной дубовой дверью, украшенной выцветшими резными символами, которые Ли́ра узнала: это были руны защиты и уединения. Кабинет Ренна.

Стражи постучали один раз и отступили, оставив ее одну перед дверью.

“Войди”, - прозвучал голос из за нее.

Ли́ра толкнула тяжелую створку. Комната была не такой, как она представляла. Не мрачная берлога, а пространство, захваченное знанием. Высокие полки, доверху забитые книгами и свитками. Стол, заваленный картами, чертежами механизмов, которые выглядели подозрительно похожими на арбалеты, и чашками с остатками холодного чая. Огромный камин пылал в дальнем конце, отбрасывая теплый, живой свет на шкуры, разбросанные по полу. Здесь пахло кожей, пергаментом, дымом и... чем то диким, едва уловимым, как запах грозы на горизонте.

Ренн стоял у камина, спиной к ней, рассматривая что то в руках: тяжелый, странной формы кристалл, мерцающий тусклым внутренним светом. Он был снова в простой одежде, но теперь она видела шрамы на его загорелых предплечьях, тонкие белые линии, рассказывающие истории о когтях и клыках.

- Закрой дверь, - сказал он, не оборачиваясь.

Ли́ра подчинилась. Щелчок замка прозвучал окончательно.

- Ты провела ночь в размышлениях, - констатировал он, наконец повернувшись. Его лицо было усталым, тени под глазами выдавали бессонницу. - Какое объяснение ты придумала?

Она сделала шаг вперед, сжимая влажные ладони в складках платья.

- Никакого. Только правда. Та правда, что у меня есть.

- Правда о моих снах? - в его голосе сквозила насмешка.

- Не о снах. О кошмарах, - поправила его Лира. Она вдохнула, собираясь с духом. - Ты не видишь лиц. Никогда. Только падаешь. И вокруг тишина. Такая густая, что ею можно подавиться. Ты пытаешься кричать, выть, но звука нет. Только запах... запах горелой шерсти и полыни. Горький, как жалость к самому себе.

Кристалл в руке Ренна замер. Мерцание внутри него будто затихло. Он не двигался, не дышал, уставившись на нее через комнату. Все насмешливое исчезло с его лица, осталась лишь голое, обнаженное изумление.

- Как..., - слово сорвалось с его губ, хриплое и сломанное.

- Я читала, - прошептала Лира. Ее сердце бешено колотилось. Она попала в цель. - Автор написал, что это твой самый частый кошмар. Что он приходит в ночь перед полнолунием.

Ренн медленно опустил кристалл на каминную полку. Звук был глухим, финальным.

- Никто. Никто не знает этого. Я никогда... никогда не говорил. - Он провел рукой по лицу, и в этом жесте было столько усталой беспомощности, что у Леры сжалось сердце. - Даже мой зверь воеет в этой тишине. И от этого еще страшнее."

Он подошел к столу, оперся на него ладонями, склонив голову.

- И что теперь? Ты, призрак, из книги знающая мои самые постыдные страхи. Что ты хочешь?

- Ничего, - сказала Лира искренне. - Я ничего не хочу. Я

просто... оказалась здесь. И вижу тебя. Настоящего. И мне больно от твоей боли, Ренн. Все так же, как было, когда я читала.

Он резко выпрямился.

- Не смей жалеть меня! - его рык отозвался гулко в каменных стенах. - Ты думаешь, это меняет что -то? Ты все равно заложница. Твой род все равно враг. Твое знание... оно не делает тебя другом. Оно делает тебя опасной.

- Я знаю, - кивнула она, не отвела взгляда. - Но это не знание врага. Враг не запоминает, как пахнет твой кошмар.

Он замер, снова изучая ее. На этот раз его взгляд был иным. Не испытующим, а... оценивающим. Как будто он видел не Лианну Фэррен и не загадку, а нечто третье. Нечто, требующее переоценки всех правил.

- Ты говорила, что умерла, - произнес он тише. - От болезни легких. Опиши. Опиши, как это было.

Это была ловушка? Проверка на искренность? Лира почувствовала, как в горле встал ком. Она ненавидела это воспоминание.

- Сначала... просто кашель. Потом слабость. Потом боль, такая, что невозможно дышать. Лекарства делали только хуже. Они жгли изнутри. В конце... в конце я просто не могла вдохнуть. Как будто кто -то навалился на грудь тяжелой, мокрой шерстяной тканью. Темнота. А потом... я здесь.

Она говорила прерывисто, и слезы, к ее ужасу, выступили на глазах. Она не хотела плакать перед ним. Это была сла-

бость.

Ренн слушал, не перебивая. Когда она замолчала, он повернулся к камину.

- Значит, смерть была милостью, - пробормотал он. Потом обернулся. - А жизнь здесь? Она тебе не милость. Здесь только камень, сталь и кровь. И я в центре всего этого.

- Я знаю, - снова сказала Лира, вытирая щеку. - Но здесь есть и что то еще. Есть ты. Не только лорд. Не только оборотень. Тот, кто читает книги, - она кивнула на полки. - И изучает древние механизмы. Тот, кому снится тишина.

Он фыркнул, но в этом звуке не было прежней злобы.

- Ты строишь воздушные замки из полуправды. Мои книги о войне. Механизмы, чтобы убивать. А сны... сны просто сны.

- Нет, - возразила она с внезапной твердостью. - Это части тебя. И я вижу их все. Потому что мне нечего терять. Я уже умерла однажды. Теперь я просто... смотрю.

Ренн подошел к ней. Медленно, на этот раз не как хищник, а как человек, приближающийся к чему-то хрупкому и непонятному. Он остановился так близко, что она снова почувствовала его тепло, запах бури.

- Твое бесстрашие раздражает, - сказал он, и его голос был низким, почти внутренним. - И твои глаза. В них нет лжи. Есть только это... нелепое понимание.

Он протянул руку, но не для того, чтобы схватить или удержать. Его движение было медленным, почти робким,

словно он давал ей время отпрянуть, отстраниться, разорвать эту хрупкую нить близости. Воздух между ними сгустился, и каждый удар сердца отдавался в ушах оглушительным эхом.

Его пальцы - грубые, покрытые сеткой старых шрамов и мозолей, выдающих годы битв и тяжёлой жизни - осторожно коснулись её щеки. Они скользнули по влажной дорожке, оставленной недавними слезами, и это прикосновение было шершавым, но в нём не было ни капли жестокости или угрозы.

Оно было почти невесомым, трепетным. Будто он боялся спугнуть видение, будто его пальцы слепого исследователя пытались запомнить каждую черту, каждую линию её лица, удостовериться в реальности её кожи. В этом касании смешались нежность, тоска и бесконечная усталость человека, который слишком долго жил среди боли и впервые позволил себе прикоснуться к чему-то чистому.

Лира замерла, не дыша. Это был первый контакт, не рожденный гневом или проверкой. Он ждал, наблюдая за ее реакцией. За тем, не задрожит ли она, не отпрянет ли в страхе.

Она не отпрянула. Она прикрыла глаза, позволив этому прикосновению случиться. Это была точка соприкосновения их двух реальностей: его, полной ярости и одиночества, и ее, полной сочувствия и знаний, которым не было места.

- Ты не боишься? - спросил он, и в его голосе прозвучало неподдельное любопытство.

- Боюсь, - призналась она, открыв глаза. - Но не тебя. Я боюсь, что ничего не смогу изменить. Что все кончится, как в книге.

- А как кончается в книге? - его пальцы все еще лежали на ее щеке.

- Одиночеством. Вечным ожиданием. И пустотой.

Его рука дрогнула. Он опустил ее.

- Значит, ты пришла, чтобы изменить конец.

- Я пришла, потому что не могла смириться с ним, - сказала Лира. - Даже когда думала, что это просто вымысел.

Он отошел, разорвав связь. Снова стал лордом за своим столом, оперся на спинку тяжелого кресла.

- Ритуал в полнолуние, - произнес он отстраненно, глядя в огонь. - Он должен был ослабить проклятие, связывающее меня с этой формой, дать больше контроля над зверем. Кровь невинной из вражеского рода... древняя магия мести и освобождения. Но теперь..., - он посмотрел на нее. - Теперь ты не невинна. В твоих глазах слишком много знания. А знание оскверняет жертву.

- Значит, я бесполезна? - спросила Лира, и в ее голосе прозвучала горькая ирония.

- Наоборот, - возразил он. - Ты стала чем-то гораздо более сложным. Не жертвой. Не шпионкой - проблемой.

- Что ты собираешься делать?

Он долго молчал.

- Полнолуние через пять дней. До тех пор... ты останешь-

ся здесь. Но не в башне. Тебе дадут комнату в жилой части крепости. С охраной, но без решеток. Ты будешь есть в зале со слугами. Ты будешь жить. А я буду наблюдать. И решать.

Это была не свобода. Это была другая тюрьма, с более мягкими стенами. Но это был шанс.

- Почему? - спросила она.

- Потому что, - он оторвал взгляд от огня и устремил его на нее, и в этом взгляде была вся тяжесть его веков, - Ты единственная, кто посмотрел на меня и увидел не монстра. И я должен понять, ошибка ли это. Или... или что -то другое.”

Он позвал стражу.

- Отведите ее в синюю комнату рядом с покоем Элрика. Распорядитесь, чтобы у нее было все необходимое.

Когда Лира уже выходила, его голос остановил ее у двери.

- Лира.

Она обернулась, сердце екнуло от того, что он назвал ее не Лианной, а тем именем, которым она думала о себе.

- Да?

- Твои знания... они касаются только меня? Или ты знаешь и другие вещи? О будущем, например.

Она медленно покачала головой.

- Книга заканчивалась твоим одиночеством. Дальше... было чистое поле. Никакого будущего.

Он кивнул, будто и ожидал этого.

- Хорошо. Тогда наше чистое поле начинается сейчас.

Дверь закрылась, оставляя его одного с призраками из

книги и новой, невероятно сложной реальностью, которая пахла не кровью и страхом, а слезами и странной, тревожной надеждой.

Глава 4: Синяя комната и первые тени

Синяя комната оказалась небольшими, но уютными покоем. Здесь был камин, кровать с пологом из плотной шерстяной ткани, стол, стул и даже ковер, потертый, но теплый. На столе уже стоял кувшин с водой и глиняная чашка. После каменного мешка в башне это казалось роскошью.
Но дверь охраняли два стража. Все те же безликие силуэты в темных доспехах. Их присутствие напоминало: ты не гостья. Ты пленница под наблюдением.

Первый день прошел в тишине и одиночестве. Лиру оставили наедине с ее мыслями. Она осматривала комнату, подходила к узкому окну, выходящему во внутренний двор крепости. Внизу кипела жизнь, суровая и будничная: тренировались воины, возили телеги с припасами, кузнечный молот отбивал ровный такт. Это был живой организм, и она была посторонней клеткой в его теле.

Вечером за ней пришла одна из служанок, та самая пугливая девушка.

- Лорд приказал, чтобы вы спустились в нижний зал для ужина, - пробормотала она, глядя в пол.

Нижний зал оказался огромным помещением с длинными дубовыми столами, где трапезничали воины, слуги и ре-

месленники. Воздух гудел от низких голосов, звенел посудой, пах жареным мясом, хлебом и пивом. Когда Лира вошла в сопровождении стражи, разговоры на мгновение стихли. Десятки глаз устремились на нее. Взгляды были разными: любопытными, враждебными, равнодушными. Она была чужой, врагом, диковиной.

Ее провели к отдельному маленькому столику у стены, в стороне от общего потока. Пищу принесли ту же, что и остальным: густой мясной бульон, хлеб, сыр. Она ела молча, чувствуя себя чужой. Слова Ренна о том, что она должна "жить", приобретали горький смысл. Это была жизнь под стеклянным колпаком.

На второй день произошло первое столкновение.

Лира решила прогуляться по внутреннему двору, под присмотром стражи, разумеется. Она дышала холодным воздухом, пытаясь привыкнуть к масштабам крепости, к ее угрюмой мощи. И тогда она увидела его.

Группа воинов тренировалась с мечами у дальних стен. Среди них был человек повыше ростом, с медными, почти рыжими волосами, собранными в хвост. Его движения были отточенными, жестокими, лицо искажено привычной злобой. Капитан Марк. В книге он был правой рукой Ренна, но также и его тенью: фанатично преданный, но одобряющий самые жестокие методы. Он ненавидел слабость. И, как писала Лира в своих заметках, он был главным сторонником кровавого ритуала.

Его взгляд скользнул по ней, и тренировка замерла. Он что-то сказал своим людям, те рассмеялись, и он направился к ней, оставив тренировочный меч.

- Ну вот и наша драгоценная жертва, - произнес он, оставившись в паре шагов. Его голос был скрипучим, как ржавые петли. - Слышал, что лорд велел ухаживать за тобой, как за хрупким цветком. Странная милость для дочери Фэрренов.

Лира не ответила, пытаясь обойти его. Стражи зашевелились, но не вмешались. Их приказ был охранять, но, видимо, не защищать от слов.

Марк блокировал ей путь.

- Он также сказал, что ты говоришь странные вещи. Знаешь то, чего не должна. Колдовство, да? - Он наклонился ближе. От него пахло потом, сталью и чем-то кислым. - Я не верю в твои сказки. Я верю в старые способы. Кровь врага очищает. И я буду рядом, когда лорд одумается и вспомнит свое предназначение.

- Его предназначение не в том, чтобы быть орудием мести, - выпалила Лира, не в силах сдержаться. Она вспомнила, как в книге Марк подстрекал Ренна к самым темным поступкам.

Медные брови капитана поползли вверх.

- О, так ты еще и философ? Ты думаешь, что несколько дней в замке дают тебе право судить? Ты пешка, девочка. Красивая, хрупкая пешка, которую в конце концов принесут в жертву. И я с удовольствием буду держать тебя, когда при-

дет время.

Его слова были как пощечина. Лира почувствовала, как кровь отливает от лица. Страх, настоящий, животный страх, сжал ее горло. Это была не ярость Ренна, неисповедимая и изменчивая. Это была простая, тупая жестокость.

- Капитан.

Голос прозвучал сзади, тихий, но пронизывающий, как лезвие. Марк выпрямился, лицо мгновенно стало подобострастным.

- Лорд Ренн.

Ренн стоял в нескольких шагах, заслонив собой свет. Он пришел беззвучно, как тень. Его выражение было нечитаемым, но золотые глаза были прикованы к Марку.

- Тренируй своих людей, капитан. Их работа рубить врагов, а не пугать пленников словами.

- Лорд, я просто...

- Я сказал, тренируй своих людей, - повторил Ренн, и в его тоне зазвучала сталь. Марк замер, потом кивнул, бросив на Лиру быстрый, полный ненависти взгляд, и удалился.

Ренн повернулся к Лире. Она все еще дрожала, пытаясь совладать с охватившим ее ужасом.

- Ты не должна была выходить без моего разрешения, - сказал он без предисловий.

- Ты сказал, что я могу жить здесь, - возразила она, голос предательски дрогнул.

- Жить, а не бродить, куда вздумается. Марк... он старой

закалки. Он верит в ритуал. Видеть тебя на свободе - злит его. - Ренн посмотрел на нее пристально. - Ты испугалась.

Это не было вопросом. Лира кивнула, не в силах отрицать.

- Он... он действительно это сделает?

- Если я прикажу, да, - ответил Ренн безжалостно честно. - Он исполнит любой приказ. Это делает его ценным. И опасным. - Он помолчал. - Тебя будут ненавидеть многие здесь. Ты символ слабости в их глазах. Милости, которую я проявляю к врагу.

- А для тебя я что? - спросила Лира, глядя ему в лицо. - Все еще символ? Загадка? Проблема?

Он не ответил сразу. Ветер трепал его темные волосы.

- Я еще не решил. Пойдем.

Он повел ее не назад в покои, а через двор к низкой каменной постройке, откуда доносилось равномерное постукивание. Кузница. Внутри царил адский жар. Двое кузнецов, могучие, с обожженными лицами, работали у горнов. Ренн подошел к одному из них, пожилому мужчине с седой, обгоревшей с одной стороны бородой.

- Брайд, покажи ей.

Кузнец, не задавая вопросов, кивнул и достал из водяной бочки длинный, узкий предмет, все еще шипящий от контраста температур. Это был клинок. Но не меч. Нечто более изящное, изогнутое, с вытравленным узором, напоминающим бегущего волка.

- Новый тип палаша, лорд, по твоим чертежам, - проба-

сил Брайда. - Легче, баланс смещен к острию. Для скоростной рубки, не для проламывания доспехов.

Ренн взял клинок, взвесил на руке. Движение было уверенным, привычным. Он сделал несколько коротких выпадов в воздух, и сталь запела тихим, чистым звуком.

- Хорошо. Продолжай.

Он вернул клинок кузнецу и повернулся к Лире, которая наблюдала, замороженная.

- Ты спрашиваешь, кто ты для меня. Я покажу тебе. Не только тронный зал и башни. Ты хотела видеть? Так смотри.

Он провел ее по крепости, как экскурсию по своей душе, вывернутой наизнанку в камне и стали. Показал обсерваторию на самой высокой башне, где стояли странные медные трубы, нацеленные в небо ("Для наблюдения за луной, не для звезд. Луна управляет зверем"). Привел в подвалы, где в запертых кельях содержались не пленники, а безумные, те, чей разум не выдержал превращения в оборотней, и где пахло лекарственными травами и отчаянием ("Это цена моей силы. И их слабости"). Он был безжалостен в своих показаниях. Не скрывал ни жестокости своего мира, ни своей роли в ней.

Наконец, они оказались у двери в маленькую, закрытую часовню, встроенную в стену крепости. Внутри не было икон. На каменном алтаре лежала только одна вещь: обгоревшая, почерневшая железная пряжка в форме сломанного клыка.

- Моего отца, - сказал Ренн, не заходя внутрь. - Он пал в битве. Не от руки врага. Его собственный зверь вырвался наружу под полной луной, и он пал от серебряной стрелы своего же лучшего друга. Чтобы не дать ему убить невинных.

Лира смотрела на пряжку. Печаль в его голосе была тяжелой, как этот камень.

- Поэтому ты ищешь контроль, - прошептала она.

- Поэтому я ненавижу свою природу. И боюсь ее. И нуждаюсь в ней, чтобы защищать то, что осталось. - Он повернулся к ней. - Ты читала и об этом?

- Да. Но читать и видеть... это разные вещи.

- Теперь ты видишь. Видишь того, кого тебе жалко. Лорда, который строит механизмы для убийства и держит безумных в подвалах. Который готов был вырвать сердце у невинной девушки. Твоя жалость еще жива?

Лира встретила его взгляд. В его глазах был вызов. И глубоко внутри, может быть, надежда на то, что она скажет "да". И страх перед этим "да".

- Жива, - прошептала она. - Потому что теперь я вижу не только это. Я вижу и того, кто помнит об отце. Кто пытается найти способ не повторить его судьбу. Кто показывает свою крепость пленнице, рискуя выглядеть слабым. Да, Ренн. Она жива.

Он замер. Его лицо дрогнуло, будто от внутренней борьбы. Потом он резко кивнул, как будто закрывая тему.

- Довольно на сегодня. Стражи отведут тебя назад. Не вы-

ходи из комнаты без моего ведома. И держись подальше от Марка.

Когда она уходила, он все еще стоял у двери часовни, смотря в пустоту, где лежала память о его отце и тяжесть его собственного будущего.

Вечером, сидя у камина в синей комнате, Лира поняла стратегию Ренна. Он не просто дал ей свободу передвижения. Он показал ей изнанку своей власти, всю ее уродливую, сложную правду. Он проверял, выдержит ли ее сочувствие эту правду. Не вымышленного трагического героя, а реального, жестокого, противоречивого мужчину.

И она поняла еще одну вещь. Страх перед Марком был реален. Но страх перед тем, что Ренн может снова отдалиться, стать тем лордом с трона, был сильнее. Он был на распутье. И ее слова, ее взгляды, ее присутствие были тем камнем, который мог склонить чашу весов в ту или иную сторону.

Она посмотрела на свои руки, тонкие руки Лианны. У нее не было силы сражаться. Не было магии. Только знание и это неуместное, опасное чувство.

За дверью слышались шаги. Не тяжелый шаг стражи. Более легкий. В дверь постучали.

- Войдите.

Вошел Элрик, целитель. В руках он держал небольшую глиняную чашку, от которой шел терпкий, травяной запах.

- Лорд приказал принести вам успокоительное, сказал он без эмоций. После... событий дня. Чтобы вы спали.

Ли́ра смотре́ла на ча́шку, пото́м на его́ у́мное, бе́спаст-
ное ли́цо.

- Э́то при́каз?

- Реко́мента́ция. Но от ло́рда.

Она́ вzię́ла ча́шку. Жи́дкость бы́ла те́мной, па́хла мя́той и
че́м то го́рьким.

- Он ва́м ве́рит, - сказа́ла она́ вду́рг. Э́лрику. - Вы зна́ете
о не́м бо́льше, че́м кто ли́бо.

Э́лрик на мгнове́ние заде́ржался в ду́рках.

- Я зна́ю его́ ра́ны. И фи́зиче́ские, и дру́гие. Зна́ние - э́то
бре́мя. А вы, ле́ди, ста́ли са́мым тя́желым и непоня́тным гру́-
зом из все́х. Пе́йте. За́втра бу́дет но́вый де́нь.

Он уше́л.

Ли́ра подне́сла ча́шку к губа́м. До́верять ли? Э́то мо́г бы́ть
я́д. Или́ про́сто ча́й. Она́ сде́лала глото́к. Го́речь обо́жгла
язы́к, но сле́дом по́шло те́пло, рассла́бля́ющее, мя́гкое.

Она́ допи́ла на́питок и ле́гла в по́стель. Мы́сли ста́ли ме́д-
ленны́ми, тя́желы́ми. Сквозь дре́моту́ ей по́чудилс́я да́лекий,
про́тяжны́й вой, не́ снару́жи, а бу́дто изну́три кре́пости, из
са́мых ее́ ка́менны́х глуби́н. То́скливы́й, о́динокы́й. Или́ э́то
бы́ло в ее́ го́лове?

Пре́жде че́м сон по́лностью́ забра́л ее́, по́следней мы́слью
бы́ло: он по́каза́л ей сво́ю ту́рьму. Те́перь во́прос, захоче́т ли
он ко́гда нибу́дь вы́йти из не́е. И захоче́т ли она́ ту́да войти́.

Глава 5: Танец на краю пропасти

Травяной отвар сработал. Лира погрузилась в сон без сновидений, тяжелый и милосердный. Она не слышала, как за ее дверью сменилась стража, не слышала далеких споров в караульном помещении. Не слышала, как в предрассветной тишине кто-то тяжелыми шагами поднимался по лестнице в башню лорда.

Капитан Марк стоял перед Ренном в его кабинете. Лорд был одет, будто и не ложился. На столе перед ним лежала карта с расставленными фигурами.

- Ты нарушил мой приказ, Марк, - начал Ренн, не поднимая глаз от карты.

- Я лишь говорил правду, которую другие боятся высказать, лорд. Эта девушка... она колдует. Одурманивает ваш разум жалостью.

- Мой разум в порядке.

- Тогда почему ритуал отложен? - Марк сделал шаг вперед, его лицо было красно от подавляемой ярости. - Полнолуние близко. Силы клана ждут знака. Ждут освобождения от этой проклятой слабости! Кровь Фэрренов должна была дать нам преимущество перед стаями с севера. А вы что делаете? Водите ее по кузницам, как почетную гостью!

Ренн медленно поднял голову. Его глаза в свете масляной лампы были как расплавленное золото.

- Ты забываешь, с кем говоришь, капитан.

Марк заколебался, но не отступил.

- Нет, лорд. Я помню. Я помню того, кто поклялся вернуть нам былую силу. Кто поклялся стереть дом Фэррен с лица земли. А теперь последняя из их крови живет под вашей защитой. Люди шепчутся. Они сомневаются.

- Пусть сомневаются. Мои решения не нуждаются в их одобрении.

- Но нуждаются в результатах! - Марк ударил кулаком по краю стола. - Что она дала вам, кроме сладких речей? Какое знание, какая сила? Ничего! Только сомнения!

Ренн встал. Его движение было плавным, но в воздухе запахло грозой. Марк инстинктивно отпрянул.

- Она знает то, чего не должен знать никто. О моих кошмарах, Марк. О сожженном дневнике. Она назвала имя Алисии. - Голос Ренна был тихим, но каждое слово падало, как камень. - Ты считаешь это сладкими речами? Это или глубокая магия, или... нечто, что я еще не могу понять. И я узнаю, что это, прежде чем приму решение. Понятно?

Капитан скрипел зубами: "А если это магия, чтобы завоевать ваше доверие? Чтобы вы отложили ритуал, а ее род в это время готовит удар?"

- Если это так, то ее смерть будет в тысячу раз мучительнее. Но сначала я узнаю правду. А теперь уходи. И если ты еще раз подойдешь к ней или посмотришь в ее сторону без моего приказа, я брошу тебя в подвал к безумцам. Полагаю,

твой зверь с удовольствием составит им компанию.

В глазах Марка вспыхнул животный страх. Он кивнул, коротко, резко, и вышел, хлопнув дверью.

Ренн опустился в кресло, проводя руками по лицу. Усталость давила на него, тяжелее доспехов. Он смотрел на пламя в камине и видел в нем не огонь, а два глаза, полных слез и странного понимания.

"Кто ты? - прошептал он вновь, как заклинание. - "И зачем ты здесь?"

Лира проснулась с тяжелой головой. Солнце уже било в окно. В комнате стоял запах свежего хлеба. На столе лежала новая одежда. Не роскошное платье, но добротные шерстяные штаны, просторная рубашка и теплый жилет. Одежда для движения, не для украшения. Рядом лежала записка на грубом пергаменте, сжатым, угловатым почерком: "Оденься. Встреча у кузницы через час. Р."

Сердце екнуло. Он не отдалился. Испытание продолжалось.

Она надела новую одежду, которая сидела немного мешковато, но была невероятно удобной после женских платьев. Стражи, сменившиеся за ночь, молча проводили ее вниз.

У кузницы ее ждал не Ренн, а пожилой кузнец Брайд.

- Лорд приказал научить вас основам, - сказал он, не глядя ей в глаза. - Считайте это частью вашего... образования.

- Основам чего?

- Того, как не умереть с голыми руками, - буркнул Брайд и

сунул ей в руки короткий, тупой тренировочный нож. - Держите вот так. Нет, крепче. Рука дрожит, как лист. Вы когда-нибудь что-нибудь держали тяжелее книги?

Обучение было жестоким и унижительным. Брайд оказался безжалостным учителем. Он показывал простейшие блоки, удары, как правильно падать. И заставлял повторять снова и снова, пока мышцы Лиры не горели огнем, а на ладонях не появились волдыри. Стражи наблюдали с каменными лицами. Воины, проходившие мимо, отпускали колкости.

- Смотрите, жертва готовится дать отпор!

- Может, она хочет сама вырезать себе сердце? Сэкономить нам работу.

Лира стиснула зубы и повторяла движения. Боль была реальной, физической, и это было почти облегчением после метафизического ужаса последних дней. Она концентрировалась на жжении в мышцах, на грубом ощущении деревянной рукояти в ладони. Это была связь с этим миром, жесткая, но честная.

В середине дня, когда она уже едва стояла на ногах, появился Ренн. Он наблюдал с порога несколько минут, не вмешиваясь. Потом сделал знак Брайду.

- Довольно на сегодня.

Кузнец кивнул и удалился, бросив на Лиру взгляд, в котором, возможно, мелькнуло что то вроде уважения. Или просто удовлетворение от хорошо выполненной работы.

Ренн подошел. Его взгляд скользнул по ее вспотевшему

лицу, дрожащим рукам.

- Зачем? - выдохнула Лира, опуская тренировочный нож.
- Чтобы сделать из меня воина? Это бессмысленно.

- Не чтобы сделать воина. Чтобы сделать тебя сильнее. Хотя бы немного. Чтобы ты поняла вес стали. И цену жизни, которая отнимается ею. - Он взял тренировочный нож из ее ослабевших пальцев. - Марк был прав в одном. Мое решение отложить ритуал посеяло сомнения. И сомнения рожают слабость. А слабость в моем мире означает смерть. Твою в первую очередь.

- Так ты защищаешь меня? Обучая меня драться? - в ее голосе прозвучала горькая ирония.

- Я готовлю тебя к реальности. Если ты выживешь, то только если перестанешь быть хрупкой вещью. Даже если твоя роль всего лишь быть живой.

Он повернулся, чтобы уйти, но она окликнула его.

- Ренн. Я хочу увидеть его.

Он обернулся, нахмурившись.
 - Кого?
 - Зверя.

Тишина повисла между ними, густая и звонкая. Даже отдаленный звон из кузницы затих.

- Ты не знаешь, о чем просишь.

- Знаю. Я читала описания. Но читать и видеть...

- Не одно и то же, да, ты уже говорила, закончил он за нее. Его голос стал низким, опасным. Это не романтический монстр из твоей книги, Лира. Это разрушение. Боль. Ярость, у которой нет мысли, только голод.

- И часть тебя, - настаивала она. - Ты показал мне крепость. Показал память об отце. Показал даже безумных. Но ты прячешь это. Самую суть того, кто ты есть. Как я могу... как я могу что-то понять, если не вижу всего?

Он смотрел на нее, и в его глазах бушевала внутренняя буря. Гордость боролась с любопытством, страх со странным, извращенным желанием быть увиденным полностью. Даже в своем самом ужасном обличе.

- Это не спектакль. Если я потеряю контроль, я убью тебя. И всех вокруг.

- Ты не потеряешь. Не сейчас. Полнолуние еще не наступило. Ты можешь... призвать его? Ненадолго?

Он засмеялся, коротко и безрадостно: "Призвать. Как слугу. Ты действительно ничего не понимаешь. Он не слуга. Он я. Только без цепей. - Он помолчал, борясь с собой. - После заката. В старом зверинце. Никому ни слова. Если придешь, приходи одна."

Он ушел, оставив ее с трепещущим сердцем и холодным комом страха в животе. Старый зверинец. Она помнила из книги: заброшенное место на краю крепости, где когда-то содержали пленных тварей. Место, откуда не доносится звуков.

Остаток дня тянулся мучительно долго. Лира вернулась в свою комнату, отлеживая ноющие мышцы. Она не могла есть. Мысль о предстоящем свидании вытеснила все остальное. Это была самая безумная ее идея. И самая необходимая.

Когда солнце скрылось за скалами, окрасив небо в багровые тона, она накинула плащ и вышла. Стражи, видя, что она направляется не во внутренние дворы, а к внешним стенам, обменялись взглядами. Один из них шагнул вперед.

- Леди, дальше нельзя. Это запретная территория.

- Лорд Ренн ожидает меня, - сказала Лира, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Они не поверили. Но в этот момент из тени вышел Элрик.

- Пропустите ее. По приказу лорда.

Целитель выглядел бледнее обычного. Он кивнул Лире: "Идите. И да помогут вам боги, в которых вы не верите. Вы идете на встречу с самой сутью проклятия.

Дорога к зверинцу вела по узкой, заросшей тропе вдоль самой стены. Воздух стал холоднее. Листья под ногами шуршали. И наконец, перед ней возникла черная арка в стене, ведущая в круглую, открытую площадку, окруженную высокими, обветшалыми решетками из черного металла. В центре стояла фигура.

Ренн.
Он был без плаща, в одной простой рубашке. Его плечи были напряжены.

- Я предупреждал тебя в последний раз, - сказал он, не оборачиваясь. - Уходи.

- Нет.

Он обернулся. Его глаза уже светились в сумерках диким золотом.

- Такова твоя воля.

Он закрыл глаза. Сначала ничего не происходило. Потом он склонился вперед, как от боли. Раздался глухой, трещащий звук, будто ломались кости. Рубашка на его спине натянулась, порвалась по швам. Его тело содрогалось в мучительных спазмах. Он не кричал. Из его горла вырывалось хриплое, животное клокотание.

Лира смотрела, завороженная ужасом. Это не было красивым или эпическим превращением. Это была агония. Плоть и кости перестраивались, подчиняясь древней, жестокой магии. Меха, темный как смола, прорывался сквозь кожу. Пальцы скрючились, превращаясь в лапы с когтями, которые впились в землю. Лицо вытягивалось, челюсть становилась массивной, усеянной клыками.

Это заняло меньше минуты. И когда это закончилось, перед ней стоял не человек, и не волк в прямом смысле. Это был гуманоидный кошмар. Существо выше человека на голову, покрытое густой, блестящей черной шерстью, с мощными челюстями волка и горящими, полными сознания и боли, золотыми глазами Ренна. Зверь дышал тяжело, пар вырывался из его пасти клубами в холодном воздухе. От него исходила аура чистой, неконтролируемой силы и древнего ужаса.

Он поднял свою звериную голову и посмотрел на нее.

И Лира поняла свою ошибку. Она приготовилась бояться монстра. Но она не приготовилась видеть в этих глазах знакомую муку. Ту самую, человеческую муку, теперь умно-

женную в тысячу раз и запертую в форме хищника.

Он сделал шаг к ней. Медленно, как бы проверяя ее реакцию. Его когти оставляли глубокие борозды в земле.

Лира замерла. Инстинкт кричал бежать. Но ноги не слушались. Она смотрела в эти глаза. И увидела там не только ярость. Увидела вопрос. Тот же самый вопрос: "И что теперь?"

Она сделала шаг навстречу. Маленький, неуверенный шаг.

- Ренн, - прошептала она.

Зверь вздрогнул, услышав свое имя. Из его горла вырвался низкий, вибрирующий рык. Не угрожающий. Замешательство. Боль.

Она протянула руку. Безумие. Чистейшее безумие. Ее тонкие, человеческие пальцы дрожали в сантиметрах от его покрытой шерстью груди, от которой исходил жар, как от печи.

- Я вижу тебя, - сказала она, и голос ее окреп. - Я вижу тебя.

Золотые глаза зажмурились, будто от боли. Потом он резко отпрянул, отвернулся. Его тело снова затрепетало, кости с хрустом возвращались в человеческую форму. Процесс казался не менее мучительным. Он упал на колени, обхватив себя руками, дыша прерывисто, тяжело.

Когда он поднял голову, это снова был человек. Изможденный, бледный, с тенью нечеловеческой усталости в гла-

зах. Рубашка висела на нем лохмотьями.

- Довольно? - его голос был сорванным шепотом.

Лира стояла на месте. Ее рука все еще была протянута в пустоту. Внутри все дрожало.

- Да, - прошептала она. - Теперь я вижу.

Он поднялся, пошатываясь. Не глядя на нее, прошел мимо, к арке.

- Возвращайся в крепость. Сейчас же.

Он исчез в темноте. Лира осталась одна в круглом дворе зверинца, где на земле остались глубокие следы когтей и витал запах дикой шерсти, боли и чего то еще. Неуловимого. Как доверие, рожденное в крошечном ужасе.

Она поняла, что он показал ей не силу. Он показал ей свою самую глубокую рану. И позволил ей прикоснуться к ней. Не физически. Но тем шагом навстречу, тем взглядом.

Теперь между ними не было тайн. Только грубая, незащищенная правда. И от этой правды было не меньше страха, чем от любых угроз капитана Марка. Потому что она меняла все.

Она медленно пошла назад, к огням крепости, чувствуя, как ее собственные границы, ее понимание себя и его, навсегда стерлись в ту холодную ночь в старом зверинце. Танец на краю пропасти только начинался, и они оба уже сделали первый шаг в пустоту.

Глава 6: Тень полной луны

Три дня Ренн избегал ее. Лиру не вызывали в кабинет, не вели на тренировки к Брайду. Она была заперта в своей си-ней комнате, как в золотой клетке, но теперь стены казались теснее, воздух гуще. Стражи молчали, Элрик приносил еду и травяные настои, но его взгляд был непроницаем, а вопросы оставались без ответов. Что случилось после зверинца? Что он решил?

Книга не давала подсказок. Сюжет давно свернул с известных страниц в неизведанную чащу. Она могла лишь гадать, и каждая догадка была хуже предыдущей.

На четвертый день, в полдень, в дверь постучали не служанки и не целитель. Стук был тяжелым, властным.

- Войдите.

Дверь открылась, и в комнату вошел Ренн. Он выглядел... собранным. Холодным. Как в тот первый день на троне. На нем был темный, простой камзол, волосы туго стянуты. В руках он держал свернутый пергамент.

- Полнолуние наступает завтра ночью, - сказал он без предисловий, его голос был ровным, как поверхность замерзшего озера. - Время игр и откровений закончилось.

Лира встала с кровати, сердце уходя в пятки.

- И что это значит?

- Это значит, что я принял решение. - Он развернул перга-

мент. Это была карта, но не военная. На ней был изображен сложный узор из концентрических кругов, рун и астрономических символов. - Ритуал состоится. Но не тот, что планировался изначально.

Он положил карту на стол, прижав края.

- Ты была права. Кровь невинной из рода Фэррен, полная ненависти и страха, была ключом к старой магии, магии мести. Она должна была разорвать часть проклятия, дав мне силу без контроля. Силу разрушения. - Его золотые глаза поднялись на нее. - Но ты не невинна. И в тебе нет ненависти. Значит, ключ не подходит.

- Так зачем тогда ритуал? - спросила Лира, с трудом выговаривая слова.

- Потому что есть другой путь. Древнее, опаснее. Забытый. - Он ткнул пальцем в центр узора. - Ритуал не разрыва, а признания. Слияния.

Лира смотрела на запутанные линии, не понимая.

- Слияния с чем?

- Со зверем. Полного. Не как части меня, которую я сдерживаю, а как равного. Как целого. - В его голосе прозвучала странная смесь страха и решимости. - В ночь полнолуния, в святилище предков, под открытым небом. Ты будешь там не как жертва. Ты будешь... якорем.

- Якорем? - Лира почувствовала, как холодеют кончики пальцев.

- Твоя связь со мной, твое знание, твое... отсутствие стра-

ха. В книге, которую ты читала, было ли что -то подобное?

Она лихорадочно перебирала память. Нет. Ничего. В книге был только кровавый исход: "Нет. Ничего."

- Значит, мы идем в слепую. Но это единственный путь, который я вижу. Путь, где тебе не нужно умирать. А мне... мне не нужно убивать ту часть себя, что делает меня человеком.

Он подошел ближе. От него пахло холодным ветром и металлом.

- Но это опасно. Невыразимо опасно. Если мой зверь возьмет верх, если ритуал пойдет не так, он уничтожит все в радиусе мили. Начиная с тебя. Это не угроза. Это факт.

- А если сработает?

- Если сработает... тогда я буду целым. Не лордом, скованным проклятием. Не зверем в оковах. Кем-то третьим. - Он замолчал, глядя куда-то в пространство за ее плечом. - Или это убьет меня. Сломает разум. Вариантов много. И почти все плохие.

- Почему ты рассказываешь мне это? - прошептала Лира.
- Почему не просто прикажешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.